

МЕЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Егор Иванович Молотов думал о том, как хорошо жить помещику Аркадию Иванычу на белом свете, жить в той деревне, где он, помещик, родился, при той реке, в том доме, под теми же липами, где протекло его детство. При этом у молодого человека невольно шевельнулся вопрос: "А где же те липы, под которыми прошло мое детство? - нет тех лип, да и не было никогда". Припомнился ему отец-мещанин, слесарь, жизнь в темной конуре, грязь и бедность, и первые детские радости, смех и горе, и молитвы. Матери он не помнил; отец же ему представлялся очень живо. Он помнил, как, бывало, отец долго работает, пот выступит на его широком лице, а он, Егорка, тут же копается. Отец вдруг оставит работу, вздохнет на всю комнату, ущипнет ребенка за щеку и скажет: "А поди ко мне, чертёнок!", посадит его к себе на колени, любителю на сынишку, целует его крупными губами, поднимает к потолку, хохочет.

- Чего ржешь, тятка?

- Что, Егорка? а?

- Ржешь чего?

- А стих такой нашел.

- Ишь ты! - отвечает Егорка.

- А спеть тебе песню? - спрашивает отец.

- Спой, тятка.

И поет отец дрянным голосом песню. Детская жизнь Егора Ивановича совершилась в грязи и бедности; а вот и теперь он вспоминает ее с добрым чувством. Егорушка был мальчик бойкий: подпилки, клещи, бурава, отвертки, обрезки железа и меди заменяли ему дома игрушки.

- Из тебя, Егорка, лихой выйдет мастер; много у тебя будет денег.

- О! - говорит Егорка.

- Тогда не забудешь своего тятку?

- Я тебя, тятка, не забуду...

Отец беседовал с Егоркою как со взрослым, разговаривал обо всем, что занимало его: побранится ли с кем, получит ли новый заказ, болит ли у него с похмелья голова - все расскажет сыну.

- Башка трещит, Егорка: вчера хватил лишнее. Вырастешь, не пей много.

- Я, тятка, пиво буду пить...

- И молодец!.. Ты у меня молодец ведь?

- Еще бы! - отвечает сын.

Иногда отец советуется с ним.

- Вот, Егорка, деньги получил за работу, а завтра праздник: так мы шей сварим, пирог загнем, да еще чего бы? Киселя аль каши?

- Каша не в пример лучше...

- Ну, так каши, - соглашается отец.

И во всем так: идет ли отец гулять в церковь, в гости - везде с ним Егорка. Мальчик свободно относился к отцу, точно взрослый, да и живет он дома не без пользы: он и в лавочку сбегает, и заказ отнесет, сумеет и кашу сварить, и инструмент отточить, и пьяного отца разденет, спать уложит, да еще приговаривает:

- Ну, ложись!.. ишь ты, нарезался!..

- Молчи, Егорка!

- Ладно, не разговаривай, лежи себе...

Вот в подобных случаях выпадали тяжелые минуты в жизни Егорки. Иногда придет отец сильно пьяный, злой, непокладный и ни с того ни с другого поколотит сына...

- Не озорничай, тятка!.. черт этакой!.. право, черт! - отвечает ему сын.

- Врешь, каналья, врешь!.. Я тебе овчину-то натреплю...

При этом отец ловит Егорку за вихор и обижает его. На другой день отец все припомнит; ему совестно, он не знает, как и взглянуть на Егорку, как приступить к нему. Отец молчит, и сын молчит; у обоих лица пасмурные. Под вечер, выглянув исподлобья, отец сказал:

- Полно, Егорка; ну тебя...

- А! теперь и рожу в сторону!.. стыдно, небось, стало?.. А ты не дерись!..

- Да ну тебя...

- Ишь нарезался, на стены лезет!

Отец замолчал. Прошло несколько мучительных минут. Отец тяжело вздохнул на всю комнату.

А